

Лилит / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Лилит / рассказ ЛИЛИТ

Присматриваясь к ее образу жизни, я думал купить новую машину или хотя бы парадный костюм. Барышня была мне не по зубам: слишком шикарна. Мы никогда с ней не виделись, но переписывались уже года два. Судя по фоткам, она была удивительно хороша собой, холеная, богатая. Ей шли французские шляпки, черные перчатки и чулки. Муж катал ее по Европе два раза в год, потом вез на теплоходе в Америку. Из-за приступов клаустрофобии на самолетах Лилит не летала. По семейной легенде болезнь началась во время поспешной эвакуации армян из Баку в 90-ом. Лилит в это объяснение не очень-то верила, и о резне старалась не вспоминать. Она беспричинно боялась пользоваться лифтом, метро, самолетом. Женщин трудной судьбы от Версаче в моей жизни никогда не было. Я опасался, что нам будет не о чем говорить.

Я только что вернулся из Еревана в жуткой простуде и кашле. В те времена я страдал неизлечимой, как мне сказали, болезнью легких. Залег на даче. Съездил с другом в военный госпиталь, где мне выписали горсть медикаментов. Большую часть времени проводил в постели. С интересом смотрел отечественный сериал про лесных братьев. Сочувствовал и властям, и повстанцам. И тут в вайбере появляется Лилит. Последний раз писала давно. Провокационные разговоры, щекотливые темы, сексуальные откровения. Сейчас спросила напрямую:

– Ты в Штатах? Забери меня из Чикаго.

Я объяснил ситуацию. Она расстроилась и написала:

– Тогда я приеду к тебе.

Недавно она подловила мужа со своей подругой, стала следить за их перепиской. Подруга, по ее словам, была такой же красивой, как она. Люди считали их близняшками. Мужа в этом смысле она понимала, но прощать не собиралась. Свою осведомленность благоразумно скрывала. Ждала развития событий. Он успел купить

любовнице дом в Лас Вегасе, и вообще строил большие планы. В поведении Лилит чувствовалась жажда отмщения, но я не исключал, что и я ей интересен.

Встретиться мы могли и раньше. В одном из кругосветных вояжей по родственникам она останавливалась на несколько дней в Нью-Йорке. Ее познакомили с Джулией Робертс, и она тут же прислала мне их совместную карточку. Я сидел на своей заимке в Пенсильвании, в двух часах езды от большого города. Наслаждался теплой поздней осенью и скудной рыбалкой. От безделья рванул было к границе Нью Джерси, но у Страусберга неожиданно остановился. Незнакомая по существу дама... С мужем... Куда я с ней денусь? Потащу в гостиницу у Голландского туннеля?

В Чикаго она снимала на мобильник походы по бутикам и кофейням, отсылала мне видео по вайберу и ватсапу. Помню задорный кадр из женского туалета в Мэйсисе, снятый в зеркале. Ничего лишнего. Очень эффектная смывка груди под декольте. Потом начались фотосессии с теплохода. Фотки баров, светских дам, бархатных занавесок. Один раз Лилит надралась и отписала, что с этого момента больше не дает мужу. Бережет себя для меня. Я не поверил, но приятно удивился. Она беспокоилась о моем здоровье, обещала заботу. По приезде, собиралась тут же навестить.

Через неделю меня запаковали в больницу. Таблетки с моем случае, что мертвому припарки. Стены сотрясались от кашля вместе с грудной клеткой. Находиться со мной в одном помещении было трудно. Я бы не жил с таким человеком, как я. Трудный человек. В семейной жизни тоже было мрачно. Я еще не понимал, что к чему, но предчувствовал скорый развод. Супруга в больнице никогда не появлялась. Не звонила, демонстративно игнорировала. Я лежал здесь уже в пятый раз. Год назад жену заставил приехать сын, заявив, что папа теперь никогда не вернется. Супруга решила его успокоить и приехала ко мне с ребятишками. Они привезли апельсины и пряники. Я не люблю ни того, ни другого.

Лилит появилась в клинике на Литовском бульваре в первый день моей госпитализации. По причине клаустрофобии ехать в метро не

осмелилась и передвигалась в пробках по МКАДу часа четыре. Я до последнего момента считал происходящее розыгрышем. Читал книжку, барышню не ждал. Ее появлению был рад ужасно. Blind date, романтика.

В короткой норковой шубе, черной вязаной шапке под цвет глаз и ресниц, Лилит была похожа на куклу. Невысокая, немного располневшая по сравнению со старыми фотками, она была близка к гламурному идеалу. Профессия ее соответствовала облику. Лилит владела салоном красоты в одном из спальных районов столицы.

Позвонила с проходной в начале одиннадцатого. Я быстро переоделся и выскочил к турникету. Охранник пропустил ее с лукавым благодушием. В палате она вытащила из большой женской сумки бутылку «Белой лошади» и утвердительно сказала:

– Будем пить!

Мы немного стеснялись друг друга, но старались вести себя как старые знакомые. Балагурили, рассказывали смешные случаи из жизни. Тем не менее, раздевались в крошечной тьме. Лилит вообще любила темноту. В глазах ее, как у кошки, были встроены приборы ночного видения.

Среди ночи вдруг прижалась и прошептала:

– Я не изменяла тебе с ним с тех пор.

Я растрогался. Опьянел больше не от виски, а от сладкого запаха духов, который лучше подошел бы ее маме.

На следующий день она переехала ко мне в больницу. Легла на обследование в одноместную палату на нашем этаже. У нее были проблемы со щитовидкой.

– Меня обложили армяне, – сказал я, когда она как бы невзначай заглянула в мою палату. – Кого-то обкладывают армяне. Кого-то евреи. У меня поочередная смена караула.

– Когда ты смеешься, ты похож на моего отца, – сказала она и грустно улыбнулась. – Он умер. Смеялся так же радостно как ты. Не понимаю, чему вы радуетесь?

– А чему вы грустите?

Мы стали жить в клинике, ходить друг к другу в гости. При продвижении Лилит по коридору, на нее оборачивались и мужчины, и женщины. Яркое пятно. Глаза в пол-лица. Фигурная прическа с

японскими палочками. Лилит ходила в шелковом халате и стоптанных тапочках, вышитых бисером. Сестры и доктора подозрительно на нас косились, но до объяснений дело не доходило.

– Я маленькая? – однажды вспыхнула она, поймав на себе мой оценивающий взгляд. – Могу удлинить ноги. Кость распиливается, вставляются специальные штыри. Хочешь?

Я испугался. Она говорила это на полном серьезе.

– С меня хватит того, что ты наращиваешь ресницы.

В постели делала то, что многие женщины не делают.

– Не смущайся. Меня это очень возбуждает.

Мне не нравился ее литературный слог. Я пользуюсь другим жаргоном.

Показал ей одну работу, которую дописывал в те предновогодние дни.

– Здорово, – отозвалась она. – Мне нравится все, что ты делаешь. Что бы ты ни делал – мне понравится. Я так устроена.

– Тебе повезло, – сказал мне приятель, навестивший меня назавтра. – Вполне возможно, что именно этого тебе и не хватало.

– Мне нравятся более инициативные дамы, – отпарировал я. – Неуютно, когда тебя слишком балуют. Жизнь – борьба. Я привык ждать удара в любой момент.

– Забота тебе тоже не помешает.

В тот день Лилит впорхнула в мою палату одухотворенная, счастливая. Она пританцовывала и размахивала стопкой бумаг над головой.

– Онкологии нет... онкологии нет... – напевала она, не давая заглянуть в заключение экспертизы.

– Были подозрения? – удивился я.

– В Америке мне сказали, что у меня рак. Девяносто процентов.

Она присела на койку, трогательно взяла мою руку обеими ладонками.

– Ты спас меня. Я знаю, что это из-за тебя. Я верила, что именно ты мне поможешь.

Я подумал, что она кокетничает или хитрит.

– Теперь мы поедем в Армению. На машине. А может быть и на

самолете, – добавила она отважно. – Я там никогда не была. И по-армянски ни бельмеса. Я – русская. Абсолютно русская женщина в полном расцвете сил.

– Ты хачка, – ухмыльнулся я. – Абсолютная хачка.

– Хач – это крест по-армянски, – парировала она. – Ты знаешь, что они не едят сомов потому, что у тех на голове – крест?

– Какие избирательные.

– Я тут думала про твою жену, – неожиданно переключилась Лилит. – Она родила тебе столько детей, чтобы вымогать деньги. Умная женщина. Я слыхала о таких проектах. Кстати, ты тоже умный.

Я не понимал, куда она клонит. Спросил, сколько раз она была замужем.

– Я выходила замуж за всех, с кем спала, – ответила Лилит серьезно. – Мне нагадала тетка, что после сорока я стану многодетной матерью. Так что готовься, дружок. Я ей показывала твою фотку.

Теток у Лилит было много. Весь мир состоял из ее теток. Тетка в Париже. Тетка в Барселоне. Тетка в Милане. Тетка в Бостоне. Я представлял их в креслах-качалках: они отращивали усы и курили трубку. Все они были колдуньями и читали Гурджиева.

В тот вечер мы были у нее в комнате и ели пирожки, которые ей привезла ее московская тетушка. После пирожков я без задней мысли зашел в ванную, где Лилит принимала душ. Она взвизгнула, прикрываясь руками. Вдоль грудины темной отметиной тянулся длинный бесформенный шрам то ли от предательского ножа, то ли от сумасшедшего скальпеля. Я извинился и вернулся в комнату. Увиденное вызывало жалость, но никаких эстетических предрассудков не порождало. Для Лилит это ранение было главной ее болью и тайной.

Она вышла из ванной и спросила нечто совсем детское:

– Теперь ты меня разлюбишь?

– Какая странная мысль. За такие вещи можно полюбить еще сильнее.

Я посмотрел на нее и понял, что меня всегда смущала какая-то неуловимая заплаканность ее лица. Затаенная обида, помноженная на холодную наблюдательность.

– Тебя это не пугает? – спросила она воодушевленно. – Я на пляж хожу в предельно закрытом купальнике.

– Со мною будешь купаться голой.

Она улыбнулась и повторила коронку того дня:

– Ты спас меня. Теперь я стала другим человеком. Ничего не боюсь. Никого не боюсь. Пошли, покатаемся на лифте.

В день выписки мы сидели в больничной столовой и ели винегрет. Лилит строила планы наших бракоразводных процессов. Размышляла, как организовать общий бизнес. Голова у нее в этом смысле работала замечательно. Мой друг был прав, когда говорил, что именно такой спутницы жизни мне не хватает.

Мы встретились перед самым новым годом на одной левой квартире. Она приехала на серебристом «Мерседесе». Если ты выбираешь серебристый стиль, должен следовать ему до конца.

Я встречал ее на улице под безобидным праздничным снегопадом, подсвеченным фонарями.

Лилит не опоздала: появилась секунда в секунду. Я догадывался, что она организованная особа. Почему-то я подарил ей в тот вечер будильник. Вышел встречать на улицу чуть раньше и зашел в «Красный куб», который оказался через дорогу. Она сказала, что это плохая примета, но со мной Лилит перестала быть суеверной.

Мы лежали на диване и потом на хозяйском ковре, укрываясь ее ласковой шубой. Я курил, пуская в потолок кольца дыма. Она рассказывала, что позавчера следственный комитет арестовал активы ее супруга и опечатал склады на Савеловском вокзале. Вор в законе, человек со связями, Артур был вынужден переместиться на квартиру в Испании. Сюда он больше не сунется, говорила Лилит.

– Я наврала, что приеду к нему после рождественских каникул, – призналась она. – Но после сорока я должна стать многодетной матерью. Помнишь?

Я не знал, что на это ответить. В жизни что-то менялось, и я с осторожностью к этим изменениям присматривался. Мой неизлечимый кашель прошел, как только мне удалось разоблачить махинации жены и перестать появляться дома. Лилит уверяла меня, что я избавился от аллергии на свою бабу.

– Болезни легких связаны с фальшью в семейных отношениях, – говорила она и я был склонен с ней согласиться. Шутка ли: Лилит была дипломированным экстрасенсом.

Мы валялись на ковре как ленивые кошки и рассказывали друг другу анекдоты про армянское радио. Балдели от взаимного выздоровления и приближения счастливых перемен.

В ту ночь, и потом еще до несколько недель, мы были абсолютно уверены, что никто из нас никогда не умрет.

Об авторе: ВАДИМ МЕСЯЦ

Поэт, прозаик, переводчик. Руководитель издательского проекта «Русский Гулливер». Neкаýalar